ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

2015 года

А. Г. Гродецкая
С.-Петербург

«Старинная приязнь»: к истории отношений Тургенева и М. А. Языкова

В статье В. А. Громова «Тургенев, М. А. Языков и Н. Г. Бунин»[1] речь главным образом шла об ошибке Тургенева, отреагировавшего в дневниковой записи от 27 (15) января 1883 г. на газетные известия о смерти однофамильца Языкова,[2] также о письмах Тургенева, которые были переданы Языковым В. П. Гаевскому, готовившему в 1884 г. первое собрание писем писателя, и, наконец, о встречах Тургенева с Языковым в 1870-х гг. (по мемуарам Н. Г. Бунина).[3]

Между тем длительная история отношений Тургенева с Михаилом Александровичем Языковым (1811–1885), как и биография самого Языкова, «давнишнего приятеля» Тургенева и, по его словам, «прекраснейшего, честнейшего и милейшего человека»,[4] заслуживают обстоятельного изложения. В трех из семи известных писем Тургенева к Языкову, содержащих просьбу о покровительстве его протеже и помощи в их трудоустройстве, звучит признание в «старинной приязни». Так, письмо от 11 (23) июля 1862 г., в котором Тургенев просит Языкова об определении на службу «на каком-нибудь месте» его двоюродного брата М. А. Тургенева, завершают слова: «...желаю Вам всех благ — и на память старинной приязни крепко жму Вам руку» (Письма. Т. 5. С. 90). В следующем письме, где просьба о содействии в трудоустройстве относится к П. Т. Кудряшову, он повторяет: «Надеюсь, что в память нашей старинной при-

---

[1] См.: Громов В. А. Тургенев, М. А. Языков и Н. Г. Бунин // Тургеневский сборник. М.; Л., 1968. [Вып.] IV. С. 293–298.

[2] Тургенев записал: «М. А. Языков умер в Петербурге. Много молодых воспоминаний похоронено вместе с ним» (Лит. наследство. М., 1964. Т. 73. Кн. 1. С. 398).

[3] Опубликованы: Мошин А. Н. Памяти Н. Г. Бунина // Мошин А. Н. Новое о великих писателях. (Мелкие штрихи для больших портретов). 2-е изд., доп. СПб., 1908. С. 59–76.

[4] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 25 (письмо к А. К. Толстому от 13 (25) мая 1855 г.). Далее ссылки на это издание даются в тексте, с указанием серии, номера тома и страницы.

язни, Вы сделаете для него, что почтете возможным <...>» (Письма. Т. 5. С. 95). И наконец в письме от 25 августа (6 сентября) 1863 г. еще раз звучит: «В надежде на нашу старинную приязнь и в уверенности, что Кудряшов человек полезный и дельный, смело обращаюсь к Вам» (Письма. Т. 5. С. 202).

Что же это за «старинная приязнь», столь Тургеневу дорогая? Б. Л. Модзалевский, публикуя три письма писателя к Языкову, во вступительной заметке сообщал: «Михаил Александрович Языков — один из преданнейших друзей Белинского, от которого дошло до нас несколько восторженных о нем отзывов, — человек, связанный узами дружеской приязни почти со всеми выдающимися литературными деятелями 1840–1860-х гг.: Грановским, Герценом, Тургеневым, Боткиными, Фетом, Панаевыми, Некрасовым, Плетневым, Гончаровым и многими другими. С Тургеневым, в частности, у него были давние дружеские отношения; так, еще в своей ранней шутливой поэме "Поп" (1844 г.) Тургенев упоминает и Языкова:

...Читатели найдутся. Не бесплодной,
Не суетной работой занят я, —
Меня прочтет Панаев благородный
И Веверов почтенная семья,
Белинский посвятит мне час свободный
И Комаров понюхает меня...
Языков сам, столь важный, столь приятный,
Меня почтит улыбкой благодатной...»[5]

Как правило, при упоминаниях о М. А. Языкове — в письмах Белинского, Герцена, Тургенева, Некрасова, Гончарова, в мемуарах и дневниках И. И. Панаева и А. Я. Панаевой, Григоровича, Дружинина, Кавелина, Анненкова, Никитенко, Фета — из комментария в комментарий переходит информация о его дружбе с Белинским и близости кругу литераторов «Отечественных записок» и «Современника». Но это, пожалуй, и все. Сведения о нем в справочно-био-

[5] Три письма Тургенева к М. А. Языкову (1862–1865) / С предисл. и примеч. Б. Модзалевского // Невский альманах. Пг., 1917. Вып. 2. С. 44. Фрагмент поэмы, процитированный Модзалевским, несколько отличается от помещенного в ПСиП Тургенева; ср.: Соч. Т. 1. С. 384–385.

графических изданиях также немногочисленны и однотипны[6] и основаны главным образом на данных некролога, написанного А. Ф. Кони,[7] отчасти на мемуарах И. И. и А. Я. Панаевых.

Как отметил А. Ф. Кони в некрологе, «вся история русской литературы, с начала сороковых годов, прошла в живых образах ее лучших представителей пред глазами М. А. Языкова; в личной жизни многих из них он играл разнообразную, но всегда симпатичную роль — и воспоминания о великом русском критике, о молодой редакции "Современника", о первых литературных опытах людей с знаменитыми впоследствии именами — сливаются с памятью о нем. Восторженный поклонник таланта, услужливый друг, практический советник, занимательный и остроумный рассказчик, без всякого оттенка самохвальства или лицемерной преданности, из прорех которой сквозит иногда худо скрытая зависть, Языков тесно слился с интересами литературы и оставался им верен до конца».[8] Биография Языкова действительно тесно вписана в творческую и дружескую жизнь петербургских литераторов 1840–1850-х гг. Ничего сам не писавший,[9] что не без сожаления отмечали его совре-

---

[6] Помимо кратких статей в словаре Брокгауза (СПб., 1904. Т. 41. С. 515) и Русском биографическом словаре (СПб., 1913. Т. 25. С. 40–41), см.: Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1888. Вып. 5: Русские писатели, умершие в 1885 году. С. 147. Несколько подробнее справка Б. Л. Модзалевского, опубликовавшего в 1914 г. два письма Гончарова к М. А. и Е. А. Языковым; см.: Модзалевский Б. Л. Из переписки И. А. Гончарова // Временник Пушкинского дома на 1914 год. Пг., 1915. С. 100–101. Ср. также запись Языкова, сделанную 20 декабря 1879 г. в альбоме М. И. Семевского: «Языков, Михаил Александрович, родился в 1811 г., в Тульском уезде, селе Сергиевском. Воспитывался и окончил курс в Петербурге, в университетском благородном пансионе, в 1830 году. Товарищ по школьной скамье Иван. Ив. Панаева и кружка русских писателей преимущественно 1840 годов» (Знакомые. Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888. С. 100).

[7] См.: А. К<они>. М. А. Языков // Неделя. 1885. № 5. 6 февр. С. 194–195. Текст некролога в расширенной редакции вошел в изд.: Кони А. Ф. Очерки и воспоминания. СПб., 1906. С. 809–812.

[8] А. К<они>. М. А. Языков. С. 194.

[9] Сведения о литературных опытах Языкова, достаточно случайных, все же имеются. Так, книга «Сочинения князя Антиоха Дмитриевича Кантемира» (СПб., 1836), изданная Языковым «в компании с Д. Толстым и Г. Есиповым», указана в изд.: Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 5. С. 147. Об участии М. А. Языкова вместе с И. И. Панаевым и М. Н. Катковым в переводе романа Ф. Купера «Следопыт», опубликованного (под назв. «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море») в 8 и 9 номерах «Отечественных записок» за 1840 г. Белинский сообщал В. П. Боткину в письме от 12 августа 1840 г. (см.: Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 392; примеч.: С. 770).

менники, Языков был, по словам А. Я. Панаевой, «со всеми литераторами на дружеской ноге».[10]

Соученик И. И. Панаева по С.-Петербургскому Благородному пансиону (в 1825–1830 гг.), Языков остался его ближайшим другом. С ним, вспоминал Панаев, «мы дружно, не разлучаясь, шли в жизни».[11] Если Панаев познакомился с Белинским в Москве в апреле 1839 г., о чем подробно рассказал в воспоминаниях,[12] то Языков с Белинским сблизился сразу после переезда критика в Петербург в ноябре 1839 г. И Белинский в первом подробном письме В. П. Боткину из Петербурга в Москву (от 22 ноября 1839 г.) среди новых петербургских знакомых упоминает Языкова: «У Панаева есть закадычный друг, Языков — это, брат, московский человек <...>».[13] «Московский человек» для Белинского, в той напряженной оппозиции Петербург—Москва, которая проходит через его письма, — высочайшая оценка, и в диалоге с москвичом Боткиным она не требует пояснений. «Да, и в Питере есть люди, — продолжает Белинский, — но это все москвичи, хотя бы они и в глаза не видали белокаменной. Собственно Питеру принадлежит все половинчатое, полуцветное, серенькое, как его небо, истершееся и гладкое, как его прекрасные тротуары. <...> Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в человеке все святое <...>. Только в Питере человек может узнать себя — человек он, получеловек или скотина: если будет страдать в нем — человек; если Питер полюбится ему — будет или богат или действительным статским советником».[14] В письме к Боткину от 3–10 февраля 1840 г., с постоянным мотивом питерского одиночества и тоски по Москве и московскому «святому кружку», Белинский вновь повторяет: «И в Питере есть люди, но они слывут дураками <...>. Истинное мое утешение — Языков. Дивная натура, каких мало не только в Питере, но и в божьем мире. По развитию он решительный нуль передо мною, но перед его натурою я уничтожаюсь меньше, чем до нуля. Впрочем, о нем нельзя писать — и в

---

[10] Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания / Вступ. ст. К. Чуковского; примеч. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова. М., 1986. С. 205.

[11] Там же. С. 28.

[12] Там же. С. 143–148.

[13] Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 289.

[14] Там же

разговоре немного скажешь — надо его видеть. Чудак единственный, один из тех людей, которые и в глупостях велики, сами того не зная. Без него мне хоть умирать — и только с ним я знаю иногда божественные минуты. Я для него был истинным откровением, как толчок к пробуждению; он для меня — непосредственное откровение. <...> У него душа музыкальная, слух дьявольски верный <...>».[15] И если Панаева в первых петербургских письмах к Боткину Белинский называет «инфузорием», то его «откровения» о Языкове не иссякают. Вот еще одно — в письме к Боткину от 24 февраля — 1 марта 1840 г., написанном перед отъездом Языкова в Москву: «Но вот посылаю к тебе сына моего единородного, М. А. Языкова: этот человек ближе и родственнее к тебе, чем я; он весь — гармония, музыка, любовь, вера, чувства, безжелчен, как голубь, добр, как агнец, и развратен <...>, как козел. Впрочем, он не подходит под общую мерку — он и в разврате свят и чист. А уж нечего сказать — настоящий петух <...>. Заставь его петь: что это за любовный, за полный души голос! Я не могу слышать его без восхищения и умиления».[16] «...Это алмаз самородок!» — пишет он Боткину в очередном письме.[17] В письмах Белинского к Боткину, с признаниями в адресате исключительной «родственности душ», Языков, как видим, предстает не менее родственной душой. С начала 1840-х Языков знаком с большинством московских друзей Белинского — Боткиным, Грановским, Герценом, Огаревым и другими.[18]

Но мнение Белинского изменилось радикально и очень скоро. В апреле 1843 г. он пишет Боткину: «Смешно вспомнить, как, приехав в Петербург, я думал в одном Языкове найти все, что оставил

---

[15] Там же. С. 303–304.

[16] Там же. С. 337. Купюры присутствуют в тексте, в соответствии с содержанием письма. Панаева и Языкова и Дружинин в Дневнике представляет «двумя антирами»; см.: Дружинин А. В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов. М., 1986. С. 351; запись от 27 октября 1855 г.

[17] Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 350 (письмо Боткину от 14–15 марта 1840 г.).

[18] Два письма Языкова 1843 г. к Герцену и Огареву опубликованы; см.: Из переписки недавних деятелей. (Материалы для истории русского общества) // Русская мысль. 1892. № 7. С. 97–98. Любопытны вопросы М. А. Бакунина в письме к Герцену от 11 (23) октября 1840 г.: «Напиши мне, пожалуйста, о вашем житье-бытье — что русская журналистика, — что доказывает Белинский и чему верят Языков и Панаев?» (Там же. С. 94).

в Москве, и дивился глубокости его натуры. А это просто добрая благородная натура, совершенно невинная в какой бы то ни было силе или глубокости. Для друзей он готов уверовать в какое угодно учение и будет наполовину невпопад повторять их слова, добродушно думая, что имеет свое убеждение, да еще глубокое. Духовного развития он чужд совершенно <...>».[19] По свидетельству Панаева, Белинский «высоко ценил в Языкове кротость его характера, нежность сердца, бесконечную преданность его друзьям и отсутствие эгоизма, доходившее до пренебрежения собственных выгод <...>».[20] С 1842 г. Языков — постоянный член петербургского кружка Белинского, он бывает и у Панаева, и у Белинского — в доме Лопатина у Аничкова моста (соврем. адрес: Невский пр., д. 68/40), в котором оба они с 1842 г. и проживают. Здесь же с конца 1846 г. будет располагаться контора «Современника». Как участник кружка Белинского и позднее — как человек, близкий редакции «Современника», Языков присутствует в переписке, дневниках, мемуарах фактически всех литераторов этого круга.[21]

Как вспоминал Панаев, Языков «пользовался <...> большою известностью между всеми литераторами как приятный и веселый собеседник, остряк и каламбурист. Многие принимали Языкова за литератора и сотрудника г. Краевского.

---

[19] Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 548.

[20] Панаев И. И. Литературные воспоминания / Ред. текста, вступ. статья и примеч. И. Г. Ямпольского. [М.], 1950. С. 251.

[21] Самостоятельного исследования, вне всякого сомнения, заслуживает история отношений Гончарова с Языковым и его семьей. В «Необыкновенной истории» (1875–1879), вспоминая о кружке Белинского, Гончаров признавался: «...я литературно сливался с кружком, но во многом, и именно в некоторых крайностях отрицания, не сходился и не мог сойтись с членами его. Разность в религиозных убеждениях и некоторых других понятиях и взглядах мешала мне сблизиться с ними вполне. Более всего я во многом симпатизировал с Белинским: прежде всего с его здоровыми критическими началами и взглядами на литературу, с его сочувствием к художеств<енным> произведениям, наконец с честностью и строгостью его характера. Но <...> меня пугала его впечатлительность, нервозность, способность увлекаться, отдаваться увлечению и беспрестанно разочаровываться. Это на каждом шагу: в политике, науке, литературе. Мне бывало страшно. <...> Я ходил по вечерам к тому или другому, но жил уединенно, был счастлив оказанным мне, и там, и в публике, приемом, но чуждался (между прочим, по природной дикости своего характера) тесного сближения с тем или другим, кроме семейства доброго Мих<аила> Языкова, где меня любили как родного, и я платил тем же» (Гончаров И. А. Необыкновенная история. (Истинные события) / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой // Лит. наследство. М., 2000. Т. 102. С. 205. Курсив мой. — А. Г.).

— Вы чем занимаетесь? — спрашивали его <...>.

— Да так, — отвечал обыкновенно, улыбаясь, Языков, — больше по смесям прохаживаюсь».[22] В рассказе К. Д. Кавелина о кружке Белинского середины 1840-х гг. Языков — «остряк, хромой и забавный господин, смешивший нас своими шутками и комическими выходками».[23] Фет, вспоминая круг петербургских литераторов начала 1850-х, не забывает упомянуть и Языкова, «неизменно присутствовавшего на всех наших беседах, вечерах и попойках, хотя он был человек женатый и занимал прекрасное помещение на казенном, фарфоровом заводе. Он был человек весьма дельный и, помнится, избираем был Тургеневым третейским судьею в каком-то щекотливом деле. Но когда на своих хромающих и от природы кривых ножках он с улыбкою входил в комнату, каждый, протягивая ему руку, был уверен, что услышит какую-либо нелепость».[24]

Пожалуй, самый полный портрет Языкова дают мемуары «Былое» А. П. Редкина (племянника профессора-правоведа П. Г. Редкина), ребенком и подростком часто бывавшего в его семье. Редкин писал: «Языков был отнюдь не дюжинною натурой. По происхождению он принадлежал к старинному барскому роду и получил соответственное воспитание. В характере его были, однако, некоторые черты, не часто встречавшаяся в среде тогдашних поместных дворян. Живой и подвижный, несмотря на некоторую тучность, он весь проникнут был духом почина и склонен ко всякому новшеству, носившему в себе признаки свежих начал. Нельзя сказать, чтобы склонность эта была у него плодом продуманных убеждений; скорее, она обусловливалась просто впечатлительностью его натуры. Он имел обширные связи в различных кругах, преимущественно же в высшем служебном, и везде был любим как остроумный и приятный собеседник; общительности его, быть может, способствовало и то, что в нем не было принципиальной прямолинейности, исключающей слишком большое разнообразие знакомств. Светское воспитание сделало из него человека покладистого, способного внешним образом мириться с явлениями, которых он в глубине души не одобрял, и относиться пассивно к воззрениям, которых разделять не

---

[22] Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 103

[23] Кавелин К. Д. Воспоминания о В. Г. Белинском // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. 2-е изд. М., 1977. С. 173.

[24] Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 1. С. 133. Ср. то же: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 168–169. Сведения о третейском суде имеются в воспоминаниях А. Я. Панаевой (см. ниже).

мог, обладая ясным умом и добрым сердцем. Бывая в "свете", где он имел немало родственных связей, он отдавал, однако, предпочтение обществу людей литературного и артистического склада. В конце сороковых годов в просторной квартире его на Троицком подворье частенько собирались литераторы и ученые, принадлежавшие или примыкавшие к кругу Белинского. Молодые, начинающее писатели нередко впервые встречались и знакомились здесь с тогдашними вожаками литературы. Здесь не раз раздавались горячие речи Белинского, слышались блестяще-остроумные выходки Герцена, и в пылких спорах отшлифовалась, вероятно, не одна дельная мысль. Не было почти ни одного сколько-нибудь заметного литератора, с которым Языков не был бы знаком более или менее близко, и остается только пожалеть, что он не оставил после себя записок».[25]

Знакомство Тургенева с Языковым состоялось в 1843 г. в петербургском литературном кругу, однако точные данные об обстоятельствах этого знакомства не установлены. В 1844 г., как было отмечено выше, Тургенев упомянул Языкова в ранней поэме «Поп». В 1840-х гг. и позднее он, возможно, бывал на казенной квартире Языкова при Имп. Стеклянном и фарфоровом заводе, в том «прекрасном помещении», которое упоминал в своих мемуарах Фет.

О доме Языкова стоит сказать особо. В 1840-х гг. (до 1846 г., согласно адрес-календарям) Михаил Языков числился чиновником особых поручений по Кабинету Е. И. В. Министерства Императорского Двора. Вопреки повсеместно повторенным сведениям о том, что он состоял директором Имп. Стеклянного завода (не стекольного! — А. Г.), восходящим к некрологу А. Ф. Кони,[26] управляющим завода был его старший брат — П. А. Языков.[27] Стеклянный завод, находившийся в ведомстве Министерства Двора, в 1844–1848 гг. был отделен от фарфорового и имел своего директора, с 1848 по 1867 г. заводы были

---

[25] А. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятых годах // Русская старина. 1901. № 10. С. 147–148. Редкин Алексей Платонович (1845–1914) — журналист, драматург, художник.

[26] Эта ошибочная информация присутствует в указанных выше словаре Брокгауза и РБС, у Д. Д. Языкова, также: Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861 / Вступ. ст. Н. В. Измайлова. М., 1930. С. 18; и др.

[27] Языков Павел Александрович (1798–1862) — брат М. А. Языкова; директор Имп. Стеклянного завода (с 1832 г.), также Выборгского зеркального завода (с 1840 г); управляющий Имп. Стеклянным и фарфоровым заводом (1848–1855); см.: Императорский фарфоровый завод: 1744–1904. СПб., 1906. С. 402.

вновь объединены. М. А. Языков мог занимать казенную квартиру при заводе, никакой определенной должности на заводе официально не исполняя, в качестве чиновника Министерства Двора, хотя, по ряду данных, какую-то незначительную должность при заводе (не отмеченную в адрес-календарях) он все же имел. Стеклянный завод находился на левом берегу Невы, в Каретной части города, «по Шлиссельбургскому проспекту, за Невским монастырем»,[28] здесь же находились квартира директора и дома служащих. О казенной квартире Языкова при заводе А. Редкин вспоминал: «Стеклянный завод, с его селением фабричных являл собою прямо захолустье. Местность эта, и ныне не могущая похвалиться ни чистотою, ни благоустройством, была в те времена тиха и малолюдна. В жалких домиках селенья жизнь шла вяло и бесцветно. На улице лишь изредка встречались двое-трое каких-нибудь идущих по делу прохожих <...>. Языков занимал просторный одноэтажный деревянный дом, обращенный двумя сторонами к обширному саду при заводе. Семья Михаила Александровича состояла из его жены, двоих (впоследствии пятерых) детей, сестры жены и молодого человека А. А. Попова, впоследствии приобретшего известность как художник. В этом доме <...> не было размеренности в образе жизни, а господствовало оживление. Гости бывали часто, и сами Языковы нередко выезжали, имея свой экипаж. Иногда вместе со своим старшим сыном Языков возил и меня к своим богатым и бонтонным родственникам <...>».[29]

Дом Языкова был постоянно открыт для всех литераторов круга «Современника». «Когда он женился (в начале 1843 г. — А. Г.), — вспоминала А. Я. Панаева, — то у него раз в неделю вечером собирались многие писатели. Даже когда Языков жил на стеклянном казенном заводе, где получил место, то, несмотря на дальнее расстояние, собрания у него все-таки не прекращались».[30] Воспо-

---

[28] См.: Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчина <так!> и прочие. 1854. СПб., 1853. Ч. 2. С. 64.

[29] А. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятых годах. С. 150–151. Попов Андрей Андреевич (1832–1896) — живописец-жанрист; позднее муж дочери М. А. Языкова — Евгении Михайловны (1849–1869).

[30] Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 205. Жена М. А. Языкова — Екатерина Александровна, рожд. Белавина (?—1896), художница. Известен предсмертный акварельный портрет Белинского ее работы (1848; ныне в ГТГ); см. о нем: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 314, 433; Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. С. 338.

минания о частых поездках в 1850-х гг. к Языкову на квартиру при заводе оставил и Фет, писавший: «Бывало, зимою, поздно засидевшись после обеда, кто-нибудь из собеседников крикнет: "господа! Поедемте ужинать к Языкову!" И вся ватага садилась на извозчиков и отправлялась на фарфоровый завод к несчастной жене Языкова, всегда с особенной любезностью встречавшей незваных гостей. Не знаю, как она успевала накормить всех, но часа через полтора или два являлись сытные и превосходные русские блюда, начиная с гречневой каши со сливочным маслом или со сливками и кончая великолепным поросенком, сырниками и т. д. И ватага отваливала домой, довольная хозяевами и ночною экскурсией».[31]

Стоит напомнить, что на квартире Языкова хранилась библиотека Белинского, приобретенная Тургеневым после его смерти. П. В. Анненков, работая над биографией Пушкина, пользовался этой библиотекой и в письме к Тургеневу от 17 (29) мая 1853 г. просил подтвердить право на нее как свою «временную собственность».[32] Тургенев отвечал ему 25 мая (6 июня) из Спасского: «Даю Вам полное право распоряжаться по благоусмотрению Вашему купленною мною библиотекой, находящейся у Языкова» (Письма. Т. 2. С. 233). В числе 25 приглашенных Тургенев присутствовал на квартире Языкова на литературном обеде, данном Гончаровым 22 февраля (5 марта) 1856 г. по возвращении из экспедиции на фрегате «Паллада».[33]

Хорошо известно связанное с именем М. А. Языкова коммерческое предприятие — основание им вместе с Н. Н. Тютчевым[34] в сентябре 1846 г. «Конторы агентства и комиссионерства». «Языков и Тютчев открыли контору агентства и комиссионерства», — сообщал

---

[31] Фет А. А. Мои воспоминания. Ч. 1. С. 133–134. Ср. то же: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 169.

[32] См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858) / Сост. Н. С. Никитина. СПб., 1995. С. 238.

[33] См.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818–1858). С. 324; Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960. С. 60.

[34] Тютчев Николай Николаевич (1815–1878) — в 1840-х гг. член кружка Белинского и с этого времени близкий знакомый Тургенева и других литераторов круга «Современника»; чиновник Департамента податей и сборов Министерства финансов.

Некрасов Белинскому в конце сентября 1846 г.[35] Контора «Языков и Ко» находилась на Невском проспекте у Аничкова моста в доме Лопатина, где размещалась и контора редакции «Современника», и занималась среди многого прочего подпиской на журнал. Широкий «круг действий» конторы был описан в редакционном объявлении, помещенном в № 1 «Современника» за 1847 г.: «Во-первых, покупка для иногородних лиц по поручению их и на прилагаемые ими деньги всякого рода вещей, мелких и громоздких, малоценных и многоценных, выделываемых в России и за границею, словом, всего, что может быть изготовлено и куплено в Петербурге или важнейших коммерческих городах Европы. Купив в Петербурге или выписав из-за границы желаемую вещь, контора препровождает ее на место жительства выписавшего лица и вместе с тем посылает ему счет об употреблении присланных в контору денег <...>. К этому отделу занятий конторы принадлежит и выписка во внутренние губернии всех русских и всех продаваемых в Петербурге иностранных книг. Контора готова пересылать отдельные сочинения по требованию покупателей или же и брать на себя составление целых отделов библиотеки и выбор лучших книг по той части знания, на которую укажут гг. корреспонденты.

Вторую статью занятий конторы составляет продажа на биржу или за границу сырых произведений хозяйственной промышленности из разных губерний.

Далее, контора принимает от иногородних подписку на все выходящие в Петербурге журналы и газеты и высылает иногородним лицам разные сведения, в которых они могут нуждаться, преимущественно по части торговли и промышленности».[36] Как вспоми-

---

[35] Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. СПб., 1998. Т. 14. Кн. 2. С. 59; дата письма: между 21 и 26 сентября. Об истории конторы «Языков и Ко» см. разрозненные сведения: Там же. Т. 8. С. 774; Т. 9. Кн. 2. С. 349; Т. 11. Кн. 2. С. 279–288, Т. 14. Кн. 1. С. 263; Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 216–219, 451–452; П. В. Анненков и его друзья: литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 523–524, 564, 633; Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы. С. 18; и др.

[36] Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 13. Кн. 1. С. 50–51. Рекламе предприятия Некрасов посвятил фельетон «Выбранные места из приятельских писем», опубликованный в № 12 «Современника» за 1847 г. (см.: Там же. Т. 12. Кн. 1. С. 279–288; примеч.: С. 463–465).

нал А. Редкин, «поступали просьбы о рекомендации учителей и гувернанток, получались заказы на дамские костюмы и шляпки <...>, выписывались семена, книги, мануфактурный товар, фортепиано, билллиарды и т. д.».[37]

Подробный рассказ о предприятии Языкова и Тютчева содержат воспоминания А. Я. Панаевой. Она писала: «Эти два приятеля затеяли открыть комиссионерскую контору для провинциальных жителей, которые могли бы выписывать чрез контору все, что им было нужно, начиная с вещей в полтину до тысячных.

Тургенев и Анненков принимали живое участие в основании этой конторы, потому что были интимными друзьями семейства Тютчева, которому пришла мысль открыть контору для увеличения своих средств к жизни, но он не имел денег, а Анненков и Тургенев уговорили Языкова отдать на это предприятие все свои деньги, суля ему огромные барыши. <...> Все переговоры с Языковым о конторе происходили через Тургенева и Анненкова. Языков вполне доверился им и так был увлечен, что никого не хотел слушать, отдав все свои деньги Тютчеву, чтобы он распоряжался устройством конторы».[38] Достаточно состоятельный человек, Языков в основание конторы, по свидетельству В. П. Боткина, «внес 15 тысяч рублей серебром обеспечения».[39] Герцен писал жене из Петербурга в Москву 5–8 октября 1846 г.: «Языков невероятно смешон с своей конторой — хлопочет, важен, даже не острит».[40] Деятельность конторы, разумеется, не могла не интересовать Тургенева. Так, Панаев сообщал ему 10 февраля 1847 г.: «Все обстоит благополучно. Языков так же хвастает о конторе, Тютчев останавливает его по-прежнему на всяком шагу и изобличает во лжи».[41] Однако сведения о причастности Тургенева к деятельности конторы «Языков и Ко» немногочисленны, а воспоминания Панаевой, как известно, во многих отношениях малодостоверны.

---

[37] А. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятых годах. С. 148–149.

[38] Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 216–217.

[39] См.: П. В. Анненков и его друзья: литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. С. 524.

[40] Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1961. Т. 22. С. 258.

[41] Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. С. 13.

В мемуарах Панаевой изложена и история разорения конторы. «По-видимому, дело пошло хорошо, — повествует мемуаристка, — потому что Тютчев подарил жене тысячный рояль, дорогой мех для салопа и вообще зажил комфортабельно. Языков же, напротив, очень нуждался с своим семейством и не смел требовать от Тютчева ни малейшего сведения о том, как идут дела в конторе. Когда же до Языкова стороной дошли жалобы на контору, что она неисправно выполняет заказы, и он решился спросить разъяснения у своего компаньона, то вышла буря. Тургенев и Анненков прочли ему нотацию о неделикатности и доказывали, что он оскорбил недоверием не только своего компаниона, но и его жену <...>. Языков был убит: вместо барышей он потерял все свои деньги да еще сделал долг. Тургенев и Анненков придумали домашний третейский суд, чтобы защитить Тютчева, которого многие обвиняли в разорении Языкова».[42] Отголосок этой ситуации находим в написанном Тургеневым, Некрасовым и Дружининым «Послании к Лонгинову» (1854): «Языкова процесс примерно разыгрался: / Он без копейки был, без денежки остался <...>» (Соч. Т. 12. С. 317).[43]

В изложении А. Редкина, события развивались следующим образом: «Обнаружились крупные растраты, в кассовых книгах оказались вырванные кем-то листы... Подозрение пало на управляющего конторой, интеллигентного господина с служебными и литературными связями; возникли пререкания, назначен был третейский суд, в собрании которого потрясенный Языков едва не упал в обморок, но дело кончилось ничем; виновного найдено не было, а контора оказалась вынужденною ликвидировать свои дела.

Человек практический, вероятно, сумел бы еще как-нибудь выпутаться из затруднения и спасти гибнувшее предприятие; но Языков был полною противоположностью практического человека. Широкий замысел, смелая фантазия — это было его делом, практическое же осуществление своих планов он постоянно поручал другим, зная, что сам он на это не годится».[44]

---

[42] Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 217–218.

[43] См. также: Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 430; примеч.: С. 692.

[44] А. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятых годах. С. 149.

А. Я. Панаева, описывая разрыв компаньонских отношений Языкова с Тютчевым, относит разорение конторы «Языков и Ко» к началу 1850-х гг., однако ее окончательный крах произошел позднее, в конце 1850-х. После третейского суда в делах конторы Н. Н. Тютчева сменил П. В. Зиновьев.[45] «Кстати, поклонитесь этому милому смертному, — писал Тургенев Анненкову 25 мая (6 июня) 1853 г., имея в виду Языкова. — Что, он здоров? А с Тютчевым он и Зиновьев поступают непозволительно круто и едва ли добросовестно — ceci entre nous <это между нами — франц.>» (Письма. Т. 2. С. 233). «Вы всегда желали вступить в товарищество с П. В. Зиновьевым <...> — дай Бог Вам всякого успеха!» — писал Гончаров М. А. и Е. А. Языковым 31 июля (12 августа) 1853 г. с борта фрегата «Паллада».[46]

Обстоятельства финала предприятия Языкова остаются непроясненными. С точки зрения дефицита сведений показательно примечание к процитированному выше фрагменту письма Тургенева: «По-видимому, речь идет о делах "Комиссионерской конторы для провинциальных жителей", основанной М. А. Языковым и Н. Н. Тютчевым в 1847 г. (вероятно, в ее операциях принимал участие и П. В. Зиновьев). Контора прекратила свое существование в конце 50-х или в начале 60-х годов» (Письма. Т. 2. С. 525).

К середине 1850-х служебные и финансовые дела Языкова складывались все менее и менее удачно, и Тургенев (видимо, по просьбе Языкова) обратился с письмом к влиятельному в придворных кругах А. К. Толстому: «У меня есть давнишний приятель, Михайло Александрович Языков, прекраснейший, милейший и честнейший человек, которого я люблю от души. Он находится в обстоятельствах весьма тесных, боится лишиться небольшого казенного местечка, которым живет — и судьба его вообще принимает вид не очень веселый. Позвольте рекомендовать его Вашему вниманию; всякое одолжение, которое Вы ему окажете, я сочту гораздо более, чем за личное одолжение» (Письма. Т. 3. С. 25). На это тургеневское ходатайство Языков отвечал благодарностью в приписке к письму Панаева к Тургеневу от 3 (15) июня того же года.[47]

---

[45] См. о Петре Васильевиче Зиновьеве (1812–1863): Письма. Т. 1. С. 569–570; Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. С. 19.

[46] Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15. С. 184.

[47] См.: Лит. наследство. Т. 73. Кн. 2. С. 108

С июля 1862 г. Языков состоял управляющим питейно-акцизным управлением (ведавшим соответствующими сборами) в Тульской губернии. Необходимо пояснить, что на этом посту, мало о чем современному читателю говорящем, Языков стал участником важнейших преобразований, предпринятых в финансовой сфере страны. Реформа винных откупов — одна из центральных в комплексе реформ 1860-х гг. Начатая в конце 1850-х и имевшая задачей замену откупов акцизными сборами, реформа развернулась именно в 1862 году. К 1 января 1863 года акцизная система должна была полностью заменить откупную.[48]

29 октября 1862 г. Языков писал из Тулы П. В. Анненкову: «Я приехал в июле и сел управлять 15-ю заводами. Теперь я их насчитываю 27. <...> Теперь я считаю себя по крайней мере счастливым тем, что делаю дело серьезное, имею несколько благороднейших и сочувствующих общему делу товарищей, да еще кроме прямой моей обязанности, я поставлен в губернии так, что помогаю, насколько могу, и другим».[49]

К 1862 г., т. е. к начальному этапу деятельности Языкова во главе питейно-акцизного управления Тульской губернии, относятся три процитированных в начале статьи письма Тургенева. Из Тулы Языков неоднократно по разным поводам приезжал в Петербург. Как вспоминал А. П. Редкин, чьи мемуары уже не раз цитировались, «хлопот по таким поводам он не жалел: то и дело являлся в Петербург и "ходатайствовал". Бывало, всех на ноги поднимет, все свои связи в ход пустит, а уж просимого добьется, после чего едет обратно, довольный и счастливый. Наладив дело и сдав его с рук на руки умелым людям, он отстранялся от него. Не раз говаривал он мне после, когда я уже был взрослым: "Что же мне было дальше-то мешаться? Ведь я в этих делах решительно ничего и не умею, и не понимаю. Еще, пожалуй, напутаешь"».[50]

---

[48] См.: Крылов А. Д. К истории отмены винных откупов в России. 1858–1862 // Русская старина. 1880. № 3. С. 573–586.

[49] ИРЛИ. Ф. 7. № 119. Л. 1, 2–2 об. В письме без даты (предположительно 1863 г.) тому же адресату он сообщал, что «весь утопает в винных вопросах» (Там же. Л. 4).

[50] Л. Р. <Редкин А. П.>. Былое. Из воспоминаний о пятидесятых и шестидесятых годах. С. 149.

С весны 1869-го Языков возглавлял питейно-акцизное управление в Калужской губернии,[51] с 1877 г. — в Новгородской губернии. В Калуге и Новгороде им были основаны публичные библиотеки.

В письмах Тургенева имя Языкова возникает достаточно часто. Вспоминая литературные споры конца 1840-х — начала 1850-х гг., он писал, например, Фету 15 (27) июня 1866 г.: «...Михайла Александрович Языков, помнится, так однажды отозвался о наших давно прошедших литературных петербургских вечерах: "соберутся, разлягутся — да — вдруг один встанет и, ни слова не говоря, другому череп долой"» (Письма. Т. 7. С. 45). В письме к Л. И. Поливанову от 31 мая (12 июня) 1880 г. Тургенев просил выдать билет на Пушкинский праздник своему «старому приятелю», Языкову.[52] В письме к Салтыкову от 24 сентября (6 октября) 1882 г. имя Языкова возникает в выразительной ценностно-психологической оппозиции. «Вот и насчет нашего общего друга П. В. Анненкова, — пишет Тургенев, — Вы несправедливы. <...> Вы, может быть, не заметили, что он до крайности стыдливый человек и даже робкий. Вы этого не разглядели под его напускною развязностью. Конечно, он современник Гоголя и Белинского; но он точно так же чувствует себя современником Языкова и Маслова — и нисколько от этого не отказывается».[53]

Известно только одно письмо Языкова к Тургеневу — от 22 июня 1881 г., с рекомендацией книги рассказов Н. Г. Бунина.[54] Тургенев ответил на него 10 (22) августа того же года: «Очень мне было приятно получить весточку и о Вас. Ваше имя напоминает мне то уже далекое, но хорошее время, когда еще наш кружок не распался, время молодости, деятельности... Каждая встреча с Вами, наяву ли, на бумаге ли, будит во мне приятные, хотя и немного грустные мысли».[55]

Нельзя, наконец, обойти вниманием и репутацию Языкова как острослова и каламбуриста. Его каламбуры, сохраненные в письмах

---

[51] «Я очень рад, — писал ему Гончаров 11 апреля 1869 г., — что Калуга выбрала и приставила к этому делу Вас как примерного ревнителя всякой общественной пользы» (ИРЛИ. № 8952. Л. 33).

[52] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 266.

[53] Там же. Т. 13. Кн. 2. С. 50.

[54] См.: Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 213–214.

[55] Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 109.

и воспоминаниях современников, могли бы составить значительную коллекцию. «Он никогда не пропускал случая сострить, — писала о Языкове Н. А. Тучкова-Огарева. — Раз на каком-то обеде, встав с бокалом в руке, он сказал с одушевлением: "Раз думал я, друзья", — все слушали в нетерпеливом ожидании. "Раздумал я," — сказал он и сел на свое место».[56] Остроты Языкова сохранились в письмах Герцена 1840-х гг.[57] О парижских водевилях, например, он сообщал М. С. Щепкину 11 (23) апреля 1847 г., что в них «каламбуры такие, что Языков бы повесился».[58] Собиратель «вопиющих острот» Языкова, Дружинин зафиксировал, как Фета при первой встрече в 1853 г. Языков назвал «Pro-фетом Мейерберовым», имея в виду оперу Мейербера «Пророк».[59]

Каламбуры Языкова помнил и Тургенев, и особенно дорожил каламбуром «стремплешь» (то есть «стремглав»), который в письмах повторял неоднократно. Так, Н. В. Ханыкову он писал 20 февраля (4 марта) 1869 г. из Карлсруэ: «...отъявлюсь в Париж — и конечно — как говорит М. А. Языков — стремплешь помчусь к Вам» (Письма. Т. 9. С. 161). О высылке экземпляра романа «Новь» Тургенев сообщал П. Л. Лаврову 26 декабря 1876 г. (7 января 1877 г.) из Парижа: «как только я получу — то, как говаривал М. А. Языков, стремплешь пошлю один к Лопатину, с тем чтобы он так же скоропостижно доставил его Вам» (Т. 15. Кн. 1. С. 270). О возврате корректур повести «Клара Милич» Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 11 (23) ноября 1882 г.: «Любезнейший Михаил Матвеевич, возвращаю Вам "стремплешь" — как говаривал М. А. Языков — присланные отрывки корректур <...>».[60]

История тургеневской «старинной приязни» изложенными фактами далеко не исчерпывается.

Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. Л., 1959. С. 76.

См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 107, 147, 152, 161, 207 и др.

Там же. Т. 23. С. 20.

Дружинин А. В. Повести. Дневник. С. 252 (запись от 7 дек. 1853 г.); ср. также: 346, 351–352.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 99.

ББК 53.3 Р
Т 87

Т 87 Тургеневский ежегодник 2015 года/ Сост. и ред. – Л.В. Дмитрюхина, Л.А. Балыкова. – Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2017. – 324 с.

Составители и редакторы
Л.А. Балыкова, Л.В. Дмитрюхина

Компьютерный набор
Е.М. Шинкова

В сборнике использованы иллюстрации из фондов Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева

На первой странице обложки: Музейный этюд. Фото А. Широбокова
На обороте обложки: Памятник И.С. Тургеневу в С.– Петербурге

© БУКОО Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева, 2017
© Издательский Дом «ОРЛИК», 2017